

12+

Elza Mars

Коробка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68306908

SelfPub; 2022

Аннотация

Однажды ваш ребёнок перестанет кушать. Вообще. Просто возьмёт и станет морить себя голодом, медленно и неумолимо угасая. За что, почему? Ответа вы не получите. Возможно, дело в красной коробке, которую держала странного вида женщина, встреченная вами в поезде?

Elza Mars

Коробка

– А что у вас в коробке? – спросила моя дочь.

– Дэлия, – сказала я, – не приставай к женщине.

Было воскресенье, а до Рождества оставались две недели, стемфордский поезд был переполнен выстроившимися в ряд покупателями с пакетами, но нам повезло отыскать места. Женщина с коробкой сидела лицом ко мне и моим сыновьям, Кларку и Джейку, мы втроём прижимались друг к другу на сиденье напротив, а Дэлия устроилась возле нас. Я могла понять любопытство Дэлии. Женщина держала красную квадратную коробку для подарков на коленях, сжимая так, будто боялась, что её отнимут с минуты на минуту. Она не отпустила её уже две остановки – с того момента, как села.

Она была высокой – два метра, а возможно и больше, метра два с лишним лишнего весу, из-за которого сильно вспотела, несмотря на холодный сухой ветер, врывавшийся каждый раз, когда двухстворчатые двери вагона открывались за нашими спинами. У неё было прыщавое лицо и густые волосы; одета в коричневое пальто, уже много лет как не новое, поверх измятого платья. По моей оценке, платье было на ней короткое, чем следовало. Колготки были намного светлее платья. Женщина улыбнулась Дэлии и посмотрела на коробку – картонную, где-то один метр в ширину, обёрнутую

блестящей красной бумагой.

– Подарок, – сказала она, глядя не на Дэлию, а на меня.

Её голос был, как у заядлой курильщицы – сухой и хриплый. Хотя, может она простудилась?

– Можно взглянуть?

Я прекрасно знала, в чём дело. Не так уж и просто провести весь день в Нью-Йорке с двумя восьмилетними мальчиками и шестилетней дочерью, когда они знают, что неподалёку находится магазин игрушек. Даже если ты уже сводила их на представление и покатила на коньках. Даже если их подарки уже давно куплены и спрятаны под кроватью в ожидании своего часа. Там всегда находилось что-то, чего они раньше и представить не могли.

Мне пришлось воевать с ними – особенно с Дэлией – чтобы сесть на поезд в 4:50 и успеть в Раи (Городок возле Нью-Йорка) к ужину. Но на уме у неё по-прежнему были только подарки.

– Дэлия...

– Ладно вам, – сказала женщина. – Всё нормально.

Она посмотрела в окно. Мы уже подъезжали к очередной станции. Женщина приоткрыла коробку со стороны Дэлии, сантиметра на четыре, чтобы больше никто не увидел. Лицо Дэлии засияло и она, лукаво улыбнувшись, посмотрела на Кларка и Джейка, а затем заглянула в коробку. Улыбка медленно потухла и сменилась какой-то озадаченностью. Я подумала, что там было что-то, с чем она была совсем не зна-

кома. Она посмотрела ещё немного, но недоумение всё не сходило с её лица. Женщина закрыла коробку.

– Мне пора, – сказала она. – Моя остановка.

Она ушла, и её место сразу же занял мужчина средних лет с тяжёлой сумкой, которую он устроил у себя на коленях. Я почувствовала спиной холодный декабрьский ветер, когда поезд выпустил пассажиров. Женщина, скорее всего, вышла.

Дэлия посмотрела на сумку мужчины, смутилась и спросила:

– Подарки?

Он кивнул и улыбнулся. Дэлия предпочла больше ничего не спрашивать.

Поезд тронулся. Следующая остановка – наша. Выйдя на ветреную платформу Раи, мы спустились по лязгающей металлической лестнице.

– Что у неё там было? – спросил Кларк.

– У кого?

– У тёти, дура, – сказал Джейк. – У тёти с коробкой. Что было в коробке?

– А. Ничего.

– Ничего? Как? Она пустая?

И они побежали к нашему автомобилю, стоявшему во втором ряду стоянки справа. Я не услышала, что она ответила. Если она вообще ответила. К тому времени, как я открыла авто, девушка с коробкой вообще вылетела из моей головы. Этим вечером Дэлия отказалась кушать. Такое иногда быва-

ло. Такое со всеми детьми бывает. Не хотят от чего-то отвлекаться либо чересчур много перекусывали днём. И я, и мой муж Стивен выросли в семьях, в которых господствовал менталитет переживших Великую депрессию. Если ты не хочешь доедать – это очень плохо. Ты должна сидеть за столом, еда остывает всё больше и больше, и никуда не встанешь, пока не опустошишь тарелку полностью. Мы не собирались поступать так же с нашими детьми. И большинство экспертов соглашались, что в этом нет ничего плохого. И уж тем более не стоит из-за этого ругаться. Поэтому мы разрешили ей не садиться за стол. Следующим вечером – в понедельник – то же самое.

– Что такое, – спросил Стивен, – ты съела пять десертов на ланч?

Он, похоже, говорил почти серьёзно. Десерты и пицца – вот чем обычно питаются наши дети в школьных столовых.

– Нет. Просто не хочу есть и всё.

Мы не стали заострять на этом внимания. Но я не сводила с неё глаз целый вечер – ждала, что во время рекламной паузы, прерывающей какой-либо ситком из тех, что мы смотрим по понедельникам, она пойдёт на кухню за пачкой чипсов или банкой жареного арахиса с мёдом. Но так и не дождалась.

Она пошла спать, и даже стакана воды не выпила. Нельзя сказать, что ей нездоровилось. Цвет лица оставался таким же, как всегда, и она смеялась над шутками со всеми. Я

предположила, что она чем-то заболела. Стивен со мной согласился. Конечно же заболела. Обычно у нашей дочери был неотменный аппетит. Я не сомневалась, что следующим утром она будет умолять не идти в школу, ссылаясь на головную боль либо расстройство желудка. Но она не стала. Так же она не стала есть свой завтрак. Вечером – то же самое. Это было особенно удивительным, потому что я приготовила макароны с мясом и подливкой – вряд ли в моём репертуаре отыщется что-то, что дети любят больше. Несмотря на то, что – или потому что – это было одно из моих простейших блюд. Но Дэлия просто села и сказала, что не голодна, довольствуясь тем, что смотрела, как другие накладывают еду себе на тарелки. Муж пришёл домой поздно, после крайне тяжёлого дня – он работает в брокерской фирме в Сити – и очень изголодался. Он выглядел уставшим от повторяющихся отказов нашей дочери кушать.

– Слушай, – сказала я. – Ты должна поесть хоть немного. Ты ведь три дня уже ничего не ела!

– Ты ела что-нибудь на ланч? – спросил Стив.

Дэлия никогда не лжёт.

– Я не хотела, – сказала она.

Даже Кларк и Джейк смотрели на неё так, будто у неё было две головы.

– Но ты ведь любишь макароны, – сказал Стив.

– Попробуй хлеб с маслом, – сказал Джейк.

– Нет, спасибо.

– Эй, девушка, ты точно хорошо себя чувствуешь? – спросила я.

– Всё в порядке. Просто я не голодная.

Так что она просто сидела. Вечером в среду я вышла из кожи вон, но приготовила её любимое блюдо – жареную курицу, приправленную лимоном, под мятным соусом, с печёной картошкой и подливкой из красного вина, выложенную стручками зелёного горошка по краям. Она сидела и смотрела.

Хотя, похоже, ей нравилось наблюдать, как мы едим. В четверг вечером мы заказали китайской еды из нашего любимого ресторана. Тушёная говядина с имбирём, жареный рис с креветками, жареные вонтоны и кисло-сладкая свинина. Она сказала, что пахнет вкусно. И просто сидела. К вечеру пятницы остатки депрессионного менталитета в моей душе дали о себе знать, и я поймала себя на том, что кричу на дочь, говорю, что она не встанет с этого стула, молодая девушка, пока не съест хотя бы кусочек своих любимых пепперони, фрикаделек и пиццы с сосисками из своего любимого итальянского ресторана. Дело в том, что я беспокоилась. Я бы с радостью дала ей двадцатку лишь за то, чтобы увидеть, как она подносит немного этой волокнистой моцареллы ко рту. Но я не сказала ей этого. Вместо этого я стояла, указывая на неё пальцем и кричала, пока она не расплакалась, а потом я – ребёнок Депрессии во втором поколении – отправила её в кровать. Сделала в точности то же самое, что сде-

лали бы мои родители.

Яблоко от яблони недалеко падает. Но к воскресенью её рёбра можно было увидеть даже под футболкой. Мы не стали отправлять её в школу в понедельник, а я не пошла на работу, чтобы пойти с ней на приём к врачу Уэллерс. Уэллерс была из тех старомодных докторов общей практики, которых скоро больше нигде не увидишь. Несмотря на солидный возраст – за семьдесят лет – она всегда приходила к пациентам домой даже во внеурочное время, если возникала такая необходимость. В Раи это было таким же неслыханным, как и честный механик. Уэллерс верила в домашнее лечение, а не больничное. Однажды, когда Джейк заболел бронхитом, она пришла осмотреть его ночью и заснула у меня на диване, прямо перед нетронутой чашкой кофе, а мы два часа ходили на цыпочках и слушали её храп. Утром в понедельник мы сидели в её приёмной и отвечали на вопросы, пока она осматривала глаза, уши, нос и горло Дэлии, её спину и грудь, слушала её дыхание, взяла крови в пробирку и отправила в уборную – взять анализ мочи.

– Она прекрасно выглядит. Она потеряла два киллограма с последнего посещения, но кроме этого с ней всё нормально. Конечно, нам нужно дождаться анализов крови. Говорите, она вообще ничего не ела?

– Совсем ничего, – сказал Стив.

Она вздохнула.

– Подождите за дверью. Я с ней поговорю.

В комнате ожидания я взяла журнал, поглядела на обложку и положила его обратно в кучу.

– Почему? – прошептала я.

Старушка с тростью бросила на нас взгляд и отвернулась. Отец напротив нас смотрел, как его сын дёргает Гарфилда за ухо.

– Я не знаю, – сказал Стив. – Хотел бы я знать.

Я чувствовала какое-то странное отчуждение, будто это происходило со всеми остальными, а не со мной и не с нами. Я всегда ощущала внутри тяжёлую глыбу отчуждения. Возможно потому, что была единственным ребёнком. Возможно, дело в суровой немецкой крови моей бабки. Я была одинока с мужем, одинока с детьми, неприкасаемая, недостижимая, и подозреваю, что они этого не знали. Это одиночество глубоко во мне. Я копила его годами. Оно отражается на всех моих отношениях и всех ожиданиях. Оно делает меня почти невосприимчивой к жестоким поворотам судьбы. Всё это я теперь осознаю очень хорошо. Врач Уэллерс, улыбаясь, вывела Дэлию из приёмной и попросила посидеть, а нас поманила рукой к себе. Но улыбка предназначалась для Дэлии. Она ничего не значила. Мы сели.

– Очень странно. – Врач покачала головой. – Я сказала ей, что она должна кушать. Она спросила почему. Я сказала: “Дэлия, люди ежедневно умирают от голода. По всему миру. Если ты не будешь кушать – ты умрёшь, просто-напросто умрёшь”. Ваша дочь посмотрела на меня и сказала: “И что?”

– Боже, – сказал Стив.

– Она не дерзила, поверьте, – она серьёзно задала мне вопрос. Я сказала: “Ты ведь хочешь жить, да?” Она спросила: “А должна?”. Поверьте мне, можете сбить меня с этого стула. А должна! Я сказала: “Конечно, должна. Все хотят жить”. “Почему?” – спросила она. Господи. Я сказала ей, что жизнь прекрасна, жизнь священна, что жить – это весело. Сейчас Рождество на носу! А как же выходные, дни рождения и летние каникулы? Я сказала, что нужно жить на полную, делать всё, чтобы быть сильной, здоровой и счастливой насколько можно. Я знаю, что она слушала и понимала меня. Но она ни чуточки не беспокоилась и не расстроилась. Когда я закончила, всё, что она сказала: “Да-да, но я не голодная”.

Врач была поражена и сбита с толку.

– Я даже не знаю, что тут сказать. – Она взяла блокнот. – Я напишу вам имя и номер психотерапевта. Не психиатра – он не будет пихать Дэлии никаких таблеток. Терапевта. Пока нет анализов, хотя вряд ли это что-то изменит, скажу – у Дэлии серьёзное эмоциональное расстройство, которое требует исследования, причём незамедлительно. Это доктор, Филдс – лучшая, кого я знаю. И хорошо работает с детьми. Скажите, что я попросила принять вас как можно раньше, если можно – сегодня. Мы с ней знакомы очень давно, и она не откажет. И, думаю, она может помочь Дэлии.

– Чем поможет? – спросил Стивен. Я почувствовала, что он теряет самообладание. – Чем поможет? Поможет отыскать

причину жить?

Его голос сорвался на последнем слове и он взбесился, ударив кулаком по столу, а я подошла к нему и попыталась связаться с той частью себя, которая могла бы связаться с ним, и почувствовала, что он не совсем замолк внутри меня, и обняла его. Ночью я слышала, как они разговаривают. Дэлия и мальчики. Было уже поздно, мы ложились спать, Стив был в ванной – чистил зубы. Я собиралась выпить перед сном воды и, выйдя в коридор, услышала их шёпот. У близнецов была своя комната, у Дэлии – своя. Шёпот доносился из комнаты мальчиков. Это было против заведённого у нас порядка, но порядок и так стремительно нёсся ко всем чертям. Работу по дому все забросили. На завтрак я подавала кофе и пончики из магазина. Дэлия, естественно, даже этого не ела. Спать мы ложились, когда уже выбивались из сил. Врач Филдс сказала, что пока всё нормально. Что нам следует избегать любого напряжения и противоречий в семье хотя бы неделю-другую. Мне нельзя было орать на Дэлию за то, что она не кушает. Сначала Филдс поговорила полчаса у себя в приёмной с Дэлией, затем минут двадцать – со мной и Стивом. Я сочла её представительной, а её голос – приятным. Пока у неё не было ни единого предположения насчёт происходящего с Дэлией. Всё, что она могла сказать – она должна видеть Дэлию ежедневно, пока девочка не начнёт опять кушать, и, наверное, один или два раза в неделю – после.

Если она начнёт кушать. Я решила не обращать внимания на то, что они шепчутся. Я подумала, что если бы не захотела попить воды перед сном, я бы вообще их не услышала.

Но то, что сказал Джейк, донеслось до меня через приоткрытую дверь чётко и ясно:

– Не понимаю, – сказал он. – А что с коробкой?

Ответа я не уловила. Я подошла к двери. Пол закрипел. Шёпот прекратился.

Я открыла дверь. Они собрались на кровати.

– Что с какой коробкой? – спросила я.

Они поглядели на меня.

“Мои дети, – подумала я, – выросли вообще безо всякой совести. Или по правилам, или никаких правил”.

Этим они отличались от меня. Бывало, что я сомневалась, мои ли они.

– Ничего, – сказала Дэлия.

– Ничего, – сказали Кларк и Джейк.

– Ну, – сказала я. – Скажите. Что вы тут обсуждаете?

– Просто болтаем, – сказала Дэлия.

– Секретничаете? – сказала я шутливо, словно меня их беседа не волновала.

Она пожала плечами.

– Просто болтаем.

– О том, почему ты не кушаешь? Об этом вы болтаете?

– Ма-а-ам.

Я знала свою дочь. Она была такой же упрямницей, как и

я. Не надо быть гением, чтобы понять, что больше из неё ничего не вытянешь.

– Ладно, – сказала я. – Иди спать.

Она пошла за мной. Оглянувшись, я увидела, что мальчики сидят неподвижно, уставившись на меня.

– Что? – сказала я.

– Ничего, – сказал Кларк.

– Спокойной ночи, мама, – сказал Джейк.

Я пожелала им спокойной ночи и пошла вниз за водой.

Выпила два стакана.

Всё думала о коробке. На следующее утро мальчики ничего не кушали.

Дальше всё случилось очень быстро. К вечеру выяснилось, что они пошли по той же дороге, что и Дэлия. Они веселились, были всем довольны. И непоколебимы. Три слова: “не хочу есть” вдруг стали для меня самыми страшными в целом мире. Их вариация оказалась не менее страшной: два дня спустя, сидя перед дымящейся лазаньей, которую я готовила весь день, Стивен спросил меня, как он может есть, когда его дети голодают. И больше ничего не ел. Я стала готовить еду для себя одной. На Рождество Дэлия уже не могла встать с кровати сама. Близнецы отощали – как и Стивен.

Рождественского ужина у нас не было. Я поела холодного жареного риса и бросила пару крылышек в микроволновку. И всё. Тем временем Филдс вообще зашла в тупик из-за всего этого, и хотела написать доклад о нашем случае, если я не

против. Я не возражала. Мне было абсолютно всё равно.

Доктор Уэллерс, которая прибегала к госпитализации лишь в крайнем случае, решила отправить Дэлию на капельницу как можно скорей. Мы спросили, можно ли после Рождества? Она разрешила, но сказала, что ни секундой позже. Мы согласились. Несмотря на холодный жареный рис и сумасшедшие обстоятельства, Рождество во многом было, бесспорно, нашим лучшим днём за долгое время. Мы сидели вместе возле огня, открывали подарки под ёлкой – это навело воспоминания об уютном тепле прошлого. Этот день был почти, хотя и не совсем, но нормальным. В тот день я почти начала забывать о своём беспокойстве, забывать о том, что Дэлия на следующий день ложится в больницу, а за ней, без сомнения, скоро пойдут и мальчишки.

Стив, со своей стороны, тоже с виду не выдавал своей тревоги. Будто присоединившись к их посту он ещё и перенял от них частицу безразличия к этому. Будто сам пост был для них поднимающим настроение наркотиком. Я помню, как мы смеялись, много смеялись. Размеры одежды никому не подходили, кроме меня, но мы всё равно её примеряли, и шутили об Удивительном Колоссальном мужчине и Невероятно уменьшающемся человеке. Зато игрушки были в самый раз, как и резной ангел в стиле американского примитивизма, купленный мной, чтобы повесить на ёлку.

Верите или нет, мы были счастливы. Но ночью я лежала в кровати и думала о том, что Дэлия ложится в больницу

следующим утром, потом почему-то о подслушанной беседе, которая казалась уже такой далёкой, и о женщине с коробкой и дне, когда это всё началось. Я почувствовала что ничего не соображаю, как человек, которого только что разбудили. Вдруг мне стало необходимо узнать то, что знала Дэлия. Я пошла в её комнату и осторожно растормошила её. Я спросила, помнит ли она тот день и женщину с коробкой, и то, что она заглянула в эту коробку. Она ответила утвердительно, и я спросила, что было в коробке.

– Ничего, – сказала она.

– Вообще ничего? То есть, она действительно была пустая?

Она кивнула.

– Но она ведь... я помню, что она говорила, что там подарок.

Она вновь кивнула. Я всё никак не могла понять, в чём дело. Не могла уловить смысла.

– Хочешь сказать, это было что-то типа шутки? Она хотела над кем-то подшутить?

– Я не знаю... Просто... просто в коробке ничего не было.

Она посмотрела на меня так, будто не могла понять, почему я не понимаю.

Пустая и всё. Что тут непонятного? Я дала ей поспать. Последнюю ночь в своей комнате. Я говорила, что после всё случилось очень быстро, хотя тогда всё это едва ли казалось быстрым. Через две недели моя дочь мило мне улыбнулась и

впала в кому, а потом умерла за каких-то тридцать часов. Затем и мальчиков вывезли в коридор. Кларк ушёл четвёртого февраля, а Джейк – шестого. Мой муж, Стивен, продержался до двадцать восьмого. И всё это время, все эти недели, ежедневно мотаясь в больницу, работая, когда могла и могу сейчас, и когда меня, сочувствуя, отпускают с работы, если не могу, и когда еду в поезде из Раи до Сити и из Сити до Раи, я ищу её. Я заглядываю в каждое авто. Я хожу туда-сюда, ведь она может слезть на одну остановку раньше или позже. Я не хочу её упустить. Я теряю вес. О, я кушаю. Не так хорошо, как обычно, но кушаю. Но я должна найти её. Чтобы узнать то, что узнала моя дочь, что она передала другим. Я знаю, что и мальчики знали, что она передала им это той ночью в их комнате – какое-то ужасное знание, что-то страшное. И почему-то я думаю, наверное потому, что Стив всегда был детям ближе, чем я когда-либо могла стать, что он тоже это знал. Я уверена.

Я уверена, что меня спасло моё внутреннее одиночество, и теперь это преследует меня, заставляет блуждать по коридорам вагонов пригородных поездов в надежде найти её – её и её проклятый подарок, её коробку. Я хочу знать. Только так я могу стать им ближе. Я хочу видеть. Я должна видеть. Я голодна.

Нила МакФитерс.